

Александр Фокин

Рец. на: В.А. Бердинских, В.И. Меньковский. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 132 с.

Alexandr Fokin

(Chelyabinsk State University, Russia)

Rec. ad op.: V.A. Berdinskikh, V.I. Menkovskii. GULAG: ideologiia i ekonomika podnevolnogo truda v XX veke. Syktyvkar, 2017

Несмотря на популярность сталинской эпохи – это, пожалуй, самый хорошо изученный период всей советской истории, – он не теряет своей актуальности. Во многом такая ситуация связана с социальной значимостью темы, поскольку в российском обществе не сформировался консенсус относительно «советского опыта» и не произошло проработки травмы массовых репрессий. Поэтому публикация о ГУЛАГе – вклад не только в историографию, но и в общественную дискуссию. Выход в свет совместного труда двух известных специалистов вселял оптимизм относительно того, что произойдёт синтез результатов анализа мировой историографии и многолетнего изучения лагерной системы. В целом получилась публикация, которую можно рекомендовать для знакомства с темой.

Совместный труд В.А. Бердинских и В.И. Меньковского обозначен как мини-монография. В «Предисловии» указано, что данный термин предложил Бердинских, однако его смысл в работе так и не прояснён. По сути, в книге представлены две полноценные статьи, их перевод на английский язык и приложение, добавленное для отчёта по проекту Уральского отделения РАН. В содержании не указано, кто является автором разделов, поэтому сложно определить с первого взгляда, писалась ли вся работа совместно или составлена из авторских текстов. Но в предисловии (с. 6) отмечено: «Основной текст публикации подготовлен В.А. Бердинских, историографический обзор – В.И. Меньковским, научное редактирование – И.Л. Жеребцовым». Исходя из этого, можно предположить, что фрагмент «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» был написан Меньковским, а Бердинских является автором остальных частей. Будем придерживаться данной версии авторства.

Отметим, что разделы «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии» и «Лагеря и советская экономика 1930-х годов» имеют крайне мало точек соприкосновения и объединены скорее формальным моментом, нежели концептуально. Данный факт также может свидетельствовать в пользу того, что авторы писали свои части работы раздельно. Если взглянуть на список источников и литературы, то совпадение между частями ограничивается только работами В.Н. Земскова. Получается, что за последние несколько десятков лет в англосаксонской традиции сформировалось целое направление по изучению ГУЛАГа, о чём пишет Меньковский, Бердинских же прекрасно обходится в своём исследовании без ссылок на эти многочисленные работы.

Монография состоит из шести разделов. В «Предисловии» определяется встроенность монографии в тенденции изучения ГУЛАГа. Так, авторы говорят о наличии «двух ведущих языковых научных сообществ исследователей сталинизма». Делая акцент на языке публикации, они стремятся подчеркнуть универсальный характер собственной публикации, которая оказывается вписана как в русско-, так и в англоязычную традицию. При этом методологическая основа работы оказывается второстепенна по отношению к тому языку, который используется для обнародования результатов исследования.

Авторство «Введения» принадлежит Бердинских. Это можно установить, сопоставив текст введения и текст его доклада «ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика

подневольного труда» на симпозиуме «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны»¹. Сравнивая тексты 2013 г. и 2017 г., можно сказать, что во «Введении» мини-монографии представлен немного переработанный фрагмент из доклада на симпозиуме. Для иллюстрации приведём небольшую выдержку.

<p><i>Бердинских В.А.</i> ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда / Доклад на пленарном заседании международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар, 2013.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>В отличие от античного раба советский заключённый формально бесплатен: он взятся «ниоткуда» — из общества, где НКВД—МВД—МГБ могли набирать в рабский «контингент» кого угодно и сколько угодно. Поэтому стоимость заключённого есть цена его физической силы. Но государство, торгуя собственными гражданами в царстве «плановой экономики», тем самым ставит себя вне этического и правового пространства. А ведь и в эпоху античности рабы стоили довольно дорого. Так что покупка раба являлась серьёзным вложением капитала, что предопределяло и соответствующее отношение владельца к «живому товару» — к нему относились, во всяком случае, не хуже, чем к скотине... (с. 10).</p>	<p>В отличие от античного раба «простой советский заключённый» формально бесплатен: он взятся «ниоткуда» — из общества, где ОГПУ—НКВД—МВД—МГБ могли набирать в рабский «контингент» для своего «основного производства» кого угодно и сколько угодно. Стоимость заключённого — есть цена его физической силы. Но государство, торгуя собственными гражданами в царстве «плановой экономики» (этапный вагон «зеков» — за десяток-другой кубометров пиломатериалов, или за пару-другую тракторов либо автомобилей, или за цистерну «солярки», или за партию запчастей и т.п.), тем самым ставит себя вне этического и правового пространства. А ведь в эпоху античности рабы стоили довольно дорого. Так что покупка раба являлась серьёзным вложением капитала, что предопределяло и соответствующее отношение владельца к «живому товару» — к нему относились, во всяком случае, не хуже, чем к скотине... (с. 8).</p>

В обоих текстах автор высказывает спорную мысль — уравнивает античных рабов и заключённых ГУЛАГа. Такое сравнение не является в полной мере научным, оно не позволяет лучше понять или по-новому интерпретировать труд заключённых в СССР, зато несёт однозначный морально-идеологический посыл через использование эмоциональных терминов «рабский труд» и «раб». Видимо, автору важно обозначить определённые рамки восприятия текста и эпохи. Стоит также добавить, что во «Введении», которое занимает полторы страницы, слово «раб» встречается чаще, чем во всём остальном тексте рецензируемой книги — при том, что в историографическом разделе оно не фигурирует вообще.

Наибольший интерес в мини-монографии представляет раздел «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной историографии». Написавший данный раздел В.И. Меньковский указан в предисловии как автор историографического очерка. Ему принадлежит авторство одной из лучших работ по англоязычной историографии сталинизма². Историографические обзоры всегда будут пользоваться спросом, поскольку позволяют быстро ориентироваться в теме, обозначают основные аспекты и ключевые работы. Несомненным

¹ *Бердинских В.А.* ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда / Доклад на пленарном заседании международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.). Сыктывкар, 2013. URL: <http://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/berdinskih.pdf>

² *Меньковский В.И.* История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов. Минск, 2007.

достоинством текстов Меньковского является чёткость, умение грамотно и ясно продемонстрировать развитие темы и ход дискуссий в мировой историографии. Читатель, не знакомый с обилием англоязычных работ о сталинизме, сможет составить представление об основных направлениях и темах. При небольшом объёме раскрыты проблемы изучения террора и ГУЛАГа иностранными авторами. Правда, присутствует и ряд спорных моментов. Например, неясны критерии отнесения к классической и не классической историографии. Судя по списку источников, основным признаком выступают хронологические рамки. Без внимания остаются работы, написанные после 2000 г. Однако представляется, что книги Э. Эпплбаум и Д. Пристланда³ уже вполне можно отнести к классическим исследованиям.

Ещё один вопрос, возникающий при чтении данного раздела: насколько тождественны тема массовых сталинских репрессий и тема ГУЛАГа. Конечно, они тесно переплетены, но при этом не равнозначны. Изучая цели и механизмы террора, исследователи не переходят автоматически к проблемам функционирования системы лагерей — хотя бы потому, что не все жертвы террора доживали до лагеря. Меньковский обзревает работы преимущественно по истории именно репрессий и террора и почти не касается историографии ГУЛАГа как отдельного объекта изучения.

Но главный вопрос возникает при сопоставлении текстов мини-монографии и монографии 2013 г.⁴ Сравнивая их, мы видим, что фрагмент издания 2013 г. (с. 84–91) был перенесён в издание 2017 г. лишь с небольшими дополнениями в начале и в конце раздела. Для иллюстрации приведём примеры.

<p><i>Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А.</i> Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчёта численности заключённых в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключённых в лагерях составила около 2 млн чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн чел. (с. 85).</p>	<p>В 1948 г. Н. Тимашев использовал другую методику подсчёта численности заключённых в лагерях. Он проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. Его оценка численности заключённых в лагерях составила около 2 млн чел. в 1937 г., что значительно отличалось от оценки Д. Даллина и Б. Николаевского, приводивших цифру 5–6 млн чел. (с. 12).</p>
<p>Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например, «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом, или более 60 млн жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем, представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась (с. 89).</p>	<p>Следует признать, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. Хотя радикальные максимальные и минимальные оценки, например, «немногие сотни тысяч», называвшиеся Дж. Хафом, или более 60 млн жертв за годы советской власти, названные Р. Руммелем, представляются маргинальными, официально признанная оценка так и не появилась (с. 19).</p>

³ *Applebaum A.* Gulag: A History of the Soviet Camps. N.Y., 2003; *Priestland D.* Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in inter-war Russia. Oxford, 2007.

⁴ *Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А.* Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.

<p>Р. Конквест, не соглашаясь с подобными выводами, писал, что, конечно, западному жителю трудно представить себя на месте советского человека. Не случайно русские часто говорят о западных исследователях: «как много они знают, как мало они понимают». Хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание (с. 91)</p>	<p>Р. Конквест, не соглашаясь с подобными выводами, писал, что, конечно, западному жителю трудно представить себя на месте советского человека. Не случайно русские часто говорят о западных исследователях: «как много они знают, как мало они понимают». Хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание (с. 21).</p>
---	--

Поэтому, если говорить о достоинствах данной части, то скорее следует хвалить издание 2013 г.

Следующая часть мини-монографии озаглавлена «Лагеря и советская экономика 1930-х годов», автором её выступает В.А. Бердинских. На это указывают как упоминание во «Введении», так и совпадение с тематикой ранее упоминавшегося доклада 2013 г. Главным плюсом этого раздела является краткий обзор использования труда заключённых ГУЛАГа с 1930-х гг. до реорганизации всей системы лагерей после смерти Сталина. Автор пишет о том, почему советская власть делала ставку на лагеря и колонии как на главный источник рабочей силы. Для полноты картины стоило бы добавить несколько слов о формировании системы принудительного труда в СССР. Бердинских удачно соединяет в тексте статистические данные и примеры из литературы, создавая яркий образ экономики принудительного труда. Важным моментом является структурирование форм стимулирования труда заключённых. Автор показывает, как лагерное начальство экспериментировало в поисках способов заинтересовать заключённых и, несмотря на то, что главным стимулом было возможное наказание, активно использовало различные виды поощрений — от денежных выплат и увеличения пайки до участия в слётах лагерных передовиков и сокращения срока заключения. При этом «бесплатный», по мысли властей, трудовой ресурс на деле оказывался весьма затратным и часто обходился даже дороже, чем привлечение свободных граждан. Бердинских отмечает, что подневольный труд становится своеобразным экономическим наркотиком, который негативно влияет на функционирование всей системы, но может создать иллюзию эйфории.

Несмотря на чёткую и последовательную позицию автора в описании системы ГУЛАГа, основой его текста является уже известная литература. Так, из 79 ссылок только 4 — на архивные фонды, все остальные — на работы других авторов. В этой связи создаётся впечатление реферативности, удачного обобщения опыта других исследователей.

Главная проблема при чтении данного раздела возникает при попытке определить, где текст Бердинских, а где — другого автора. Так, в сносках нет одной из главных работ по истории ГУЛАГа, написанной Г.М. Ивановой⁵. Более того, активно используется более ранняя публикация данного автора — она цитируется 14 раз (в 3.5 раза чаще, чем архивные документы). Однако в сносках указано только общее название издания⁶, без уточнения, что ссылки идут на статью Ивановой. Похоже, это неслучайно, ведь сравнение текстов выявляет подозрительно много общего.

⁵ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

⁶ В мини-монографии ссылка приводится в таком виде: «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М.; СПб., 1998». Корректный вариант такой: *Иванова Г.М.* Как и почему стал возможен ГУЛАГ // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои (Россия — по дорогам фанатизма и мученичества). М.; СПб., 1998. С. 5–68.

<p><i>Иванова Г.М.</i> История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>Говоря о развитии лагерной экономики, следует отметить, что, несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х годов были не заключённые, а спецпереселенцы (в основном крестьяне), численность которых в тот период в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным отдела спецпереселений ГУЛАГа ОГПУ, только за 1930–1931 гг. в ссылку на спецпоселение было отправлено 1 803 392 человека. Число заключённых, содержащихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г. (по официальным данным) 268 700 человек (с. 233).</p>	<p>Несмотря на интенсивный рост числа лагерей, главным объектом эксплуатации со стороны государства в начале 1930-х гг. были всё-таки не заключённые, а спецпереселенцы, численность которых в то время в несколько раз превышала количество лагерников. По официальным данным Отдела спецпереселений ОГПУ, только за 1930–1931 гг. в ссылку на спецпоселение были отправлены 1 803 392 чел., а число заключённых, находившихся в лагерях ОГПУ, составляло на 1 января 1932 г., по тем же данным, «лишь» 268 700 (с. 31).</p>
<p>В годы первых пятилеток партийная пропаганда всеми доступными средствами насаждала в лагерной среде «пафос созидания». Девизом лагерных газет стал лицемерный постулат «Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства». Жизнь заключённого, оторванного от семьи, нормальной работы, дома, заполняли лозунги такого содержания: «Лагерники! На 150 процентов завершим земляные работы!»; «Каналоармеец! От жаркой работы растает твой срок!»; «Каждый лагерник может и должен быть перекован!»; «За новую перекованную женщину!»; «Ударникам — лучшее питание»; «Лагкор не только разоблачитель, но и организатор лагерников на выполнение программ»; «Стахановская работа — дорога к льготам». Позднее к этой лозунговой вакханалии прибавилось лагерное радио. Мощный динамик-громкоговоритель, приделанный на высоком столбе, чтобы не повредили заключённые, не умолкал с утра до конца рабочего дня, пропитывая сознание лагерника идеологическими штампами, приучая мыслить в заданном направлении. Пропагандистский прессинг сочетался с «исправительно-трудовым». Для заключённых придумывались всевозможные «почины», «трудовые вахты», «салюты», насаждалось ударничество, стахановское движение и трудовое соревнование, которое, если верить отчётам лагерного начальства, охватывало чуть ли не 95% заключённых (с. 237–238).</p>	<p>В годы первых «сталинских» пятилеток коммунистическая пропаганда всеми возможными средствами насаждала в лагерной среде «пафос созидания». Девизом лагерных газет-многотиражек стал лицемерный сталинский постулат: «Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства». Пропагандистский прессинг при этом сочетался с «исправительно-трудовым»: для подневольных изобретались всевозможные «почины», «трудовые вахты», «салюты», насаждались «ударничество», «стахановское движение» и «трудовое соревнование», которое, если верить отчётам гулаговского начальства, «охватывало» чуть ли не 95% «производственников» (с. 35).</p>

<p>Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общем объёме народного хозяйства страны составлял: никеля – 46.5%, олова – 76, кобальта – 40, хромитовой руды – 40.5, золота – 60, лесоматериалов – 25.3%. Объём лагерного производства цветных металлов достиг 40% от объёма продукции, выпускаемой предприятиями Наркомцветмета (с. 244).</p>	<p>Накануне войны удельный вес некоторых видов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями НКВД, в общегосударственном объёме составлял: никеля – 46.5%, олова – 76%, кобальта – 40%, хромитовой руды – 40.5%, золота – 60%, лесоматериалов – 25.3%. Объём лагерного производства цветных металлов составлял 40% от объёма продукции, выпускаемой предприятиями Наркомцветмета СССР (с. 36).</p>
---	---

Сразу же возникает вопрос, почему Бердинских ссылается на вышедшее достаточно давно научно-популярное издание, а не на новое и гораздо более подробное монографическое исследование. Конечно, автор сам выбирает, какой текст использовать в качестве основы, но такое предпочтение выглядит странно. Проблема, однако, в другом. Сложно понять, является тот или иной фрагмент статьи прямо списанным или автор всё же самостоятельно сформулировал мысль, отталкиваясь от данных своих предшественников. Обилие порой дословных совпадений с более ранними текстами других авторов однозначно указывает на первый вариант. Аксиомой научного исследования же является то, что профессионал должен уважать работу коллег и корректно цитировать их, не создавая впечатления неэтичного заимствования.

В «Заключении» высказывается мысль, что режим Сталина, создав лагерную систему, привёл к «криминализации всей страны». Большое количество граждан, прошедших через систему лагерей и тюрем, стали носителями криминальной культуры и языка. Выдвигается идея, что в ГУЛАГе сложился комплекс норм поведения, характерный для советского человека: «отвращение к труду; бесхозяйственность; безразличие, равнодушные; повседневное жульничество (приписки, халтура, “туфта”, взаимный и всесторонний обман); цинизм; подозрительность и враждебность к любой инициативе; нетерпимость к любым проявлениям человеческого достоинства; зоологический эгоизм; культ грубой силы». Этот комплекс норм «по наследству» достался современной России.

Подобная точка зрения представляется весьма интересной, поскольку массовые репрессии и ГУЛАГ были важной частью как политической модели, так и повседневности СССР. С другой стороны, подобные яркие обобщения возникают лишь в заключении, без опоры на текст основной части мини-монографии и выводы историографии. По сути, они постулируются без возможности верифицировать их, что переводит текст из научной в идеологическую плоскость.

Последней частью мини-монографии является приложение «Изучение истории политических репрессий в Республике Коми». Исходя из указания в предисловии, можно сделать предположение, что автором этой части публикации является Меньковский. На это указывает и совпадение фрагментов её текста со статьёй, написанной им совместно с И.Л. Жеребцовым⁷.

⁷ *Жеребцов И.Л., Меньковский В.И.* II международная научная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» (Сыктывкар, Воркута, 15–19 октября 2013 г.) // *Российские и славянские исследования: научный сборник.* Вып. 9. Минск, 2014. С. 312–314.

<p><i>Жеребцов И.Л., Меньковский В.И.</i> II международная научная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» (Сыктывкар, Воркута, 15–19 октября 2013 г.) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 9. Минск, 2014.</p>	<p><i>Бердинских В.А., Меньковский В.И.</i> ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар, 2017.</p>
<p>Обратим внимание на ключевые положения публикаций, которые стали предметом дальнейших дискуссий участников конференции. В.А. Бердинских отметил коренные недостатки лагерной экономики: повышенную секретность и бесконтрольность, хищническое использование природных ресурсов, отторжение технического прогресса, высокую себестоимость гулаговской продукции, торможение развития рынка труда и социальной инфраструктуры. Автор сделал вывод о том, что «подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования и существенно сдерживал её развитие» (с. 312).</p>	<p>Обратим внимание на ключевые положения публикаций, которые стали предметом дальнейших дискуссий участников международной конференции. В.А. Бердинских отметил коренные недостатки лагерной экономики: повышенную секретность и бесконтрольность; хищническое использование природных ресурсов; отторжение технического прогресса; высокую себестоимость гулаговской продукции; торможение развития рынка труда и социальной инфраструктуры. Автор делает доказательный вывод о том, что «подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования и существенно сдерживал её развитие» (с. 111–112).</p>
<p>Во время конференции особенно подчёркивался тезис о том, что всё более глубокое знание о системе рабского труда в сталинское время не должно привести к банализации этой системы или же её принятию. Участники конференции возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий и на кладбище, где похоронены участники воркутинского восстания 1953 г. (с. 314).</p>	<p>Во время конференции особенно подчёркивался тезис о том, что всё более глубокое знание о системе рабского труда в сталинское время не должно привести к банализации этой системы или же её принятию. Участники конференции возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий и на кладбище, где похоронены участники воркутинского восстания 1953 года (с. 113).</p>

Базой для изучения сталинского террора в Коми является благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», который совместно с ИЯЛИ Коми научный центр УО РАН подготовил несколько конференций по теме репрессий. Они прошли в 2007, 2009, 2011 и 2013 гг., причём две последние носили международный характер. К сожалению, основной акцент в приложении делается именно на описание докладов на конференциях, без возможности выйти на обобщающий уровень, а многие работы просто перечисляются в назывном порядке. А ведь историографический анализ данной темы в одном конкретном регионе мог бы стать хорошим примером изучения как региональной специфики, так и общих факторов, определяющих работу историков над проблемой.

Подводя итоги, можно сделать заключение об определённом парадоксе. Книга написана интересно, читается легко, как специалист, так и интересующийся может найти в ней важный фактологический материал и продуктивные обобщения. Но проблема заключается в том, что всю представленную информацию можно почерпнуть в других книгах. Конечно, сейчас сложно отыскать полностью оригинальное историческое исследование, но в данном случае вторичность и компилятивность выступают как основа мини-монографии и, видимо, призваны минимизировать усилия по её созданию. Однако у книги есть одно неоспоримое достоинство – данная публикация является практически идеальной формой отчётности сразу по двум проектам Программы фундаментальных исследований УРО РАН.